

Новые книги*

Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т. 4: 1911–1916 /

Под общ. ред. Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых; предисл. к тому Г.Е. Аляева, К.М. Антонова, Т.Н. Резвых / С.Л. Франк. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. – 864 с.

Не так давно вышедший из печати четвёртый том Полного собрания сочинений и писем С.Л. Франка продолжает выпуск академической серии, подготовка которой в настоящий момент ведётся на базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. В данный том входят тексты Франка, относящиеся к периоду «предвоенных и военных предреволюционных» 1911–1916 гг., за исключением магистрального труда философа этого времени – трактата «Предмет знания» (1915), которому будет посвящён следующий, пятый том Собрания сочинений, на данный момент готовящийся к печати.

---

* Для цитирования: Бердникова А.Ю., Вакулинская А.И., Ворожихина К.В., Куксюк А.М., Макарова А.Ф., Сидорин В.В. Новые книги // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 1. С. 114–125.

Бердникова Александра Юрьевна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: alexser015@yandex.ru

Вакулинская Александра Ивановна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sashavakulinskaya@gmail.com

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Куксюк Алексей Михайлович – лаборант. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: alexei.kuksyuk@gmail.com

Макарова Анна Фёдоровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: anna.fed.mak@gmail.com

Сидорин Владимир Витальевич – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

В открывающем том Предисловии, следуя уже сложившейся традиции предыдущих томов, авторы-составители занимаются детальной и скрупулёзной реконструкцией биографии Франка, относящейся к указанному периоду творчества.

Тексты Франка, опубликованные в основной части книги, опять же, наследуя предыдущим томам серии, поделены по хронологическому принципу: каждая часть представляет собой год, в который тот или иной материал был опубликован (с 1911 по 1916). Значительная часть вошедших в данный том статей, рецензий и переводов Франка была написана им для журнала П.Б. Струве «Русская мысль», история взаимоотношений философа с которым также восстановлена составителями настоящего тома в Предисловии.

К основным сюжетам, интересовавшим Франка, свидетельства чего мы можем видеть в его текстах, составляющих основное содержание тома, относятся: размышления о философии религии, продиктованные личными духовными исканиями (в 1912 г. Франк крещён в православную веру), а также рефлексией над учением Ф. Шлейермахера, чья работа «Речи о религии к образованным людям её презирающим», выходит в переводе Франка под эгидой издательства журнала «Русская мысль» в 1912 г. Предисловие к этому переводу, равно как и другие статьи Франка, посвящённые Шлейермахеру, опубликованы в сопровождении подробного академического комментария («Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера», с. 114–143; «Предисловие переводчика <к «Речи о религии к образованным людям её презирающим. Монологи» Ф. Шлейермахера>», с. 144–145). Кроме Шлейермахера, в круг мыслителей, идеи которых были наиболее близки Франку в это время, входили Б. Спиноза, У. Дильтей, Г. Коген, Ф. Тютчев, А. Бергсон, а также представители итальянского онтологизма В. Джоберти и А. Розмини (очерки и статьи Франка, посвящённые их учениям, также можно найти в представленном томе). К темам, волновавшим философа в указанный период, можно отнести и критический анализ идеологической ситуации, сложившейся в связи с Первой мировой войной, поиск «нравственного идеала» и «смысла» войны, а также его рефлексию над исканиями в связи с этой темой других представителей русской интеллигенции.

Том снабжён Именным указателем (с. 787–837), Указателем иностранных терминов (с. 838–839), Указателем библейских цитат, сюжетов и образов (с. 840), а также Указателем архивов, материалы из которых были использованы при его подготовке (с. 841). Всё это в целом служит свидетельством высокого академического уровня данного издания, представляющего интерес как для историков русской мысли, интересующихся философским наследием С.Л. Франка, так и для более широкого круга читателей.

Александра Бердникова

Ландау Г.А. Сумерки Европы. –

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 360 с.

(Серия «Письмена времени»)

Книга Григория Ландау «Сумерки Европы», с момента публикации которой в этом году исполняется вот уже 100 лет, до сих пор остаётся малоизвестной для отечественного читателя. Стоит отметить, что и само имя Григория Ландау на сегодняшний день как бы выпало из списка русских философов, хотя современниками Ландау были Николай Бердяев, Фёдор Степун, Иван Ильин, Николай Лосский и др. Дабы компенсировать досадное «исчезновение» мыслителя с поля историографии отечественной мысли, рекомендуем читателю обратить внимание на послесловие, подготовленное И.Ю. Зая, в котором повествуется о судьбе произведения, тесно сплетённой с жизнью его автора. Подчеркнём, что структура

книги, состоящая из авторского предисловия, введения, основной части, разделённой на три отдела, приложения, в котором размещено послесловие составителей (приведённое вместо вступительной статьи), – весьма удачна и позволяет сосредоточиться на том, что хотел донести до нас живой свидетель событий Первой мировой войны.

В связи с чем особо заострим внимание на том, что фрагменты текста, представленного в «Сумерках Европы», были отчасти написаны философом ещё в России в 1914–1915 гг.: упомянутые фрагменты, как правило, легко можно распознать по стилистике – в отличие от иных мест книги, текст больше напоминает публицистическую заметку, изложенную вычурным стилем с такими художественными отступлениями, как «сумерки сгущаются над Западной Европой» (с. 8–34, 82–97). При этом более поздняя по хронологии часть текста касается уже осмысления последствий первого общечеловеческого вооружённого конфликта. В целом работа вызывает интерес своим подробным разбором феномена мировой войны как явления, не имеющего (к моменту написания книги) аналогов в истории человечества. Сегодня этот разбор и вовсе не утратил своей актуальности. Философская ценность работы заключается в том, что Ландау постарался дать вневременную оценку причин и следствий, связанных с явлением мирового конфликта не только в разрезе политико-правовом, но и сквозь призму культурного генезиса народов и государств, в частности, европейских народов. По мнению автора «Сумерек Европы», именно расцвет европейской «культуры самодовлеющей человечности» привёл мировой социум к разрушительной катастрофе, при этом пагубным для Европы стало то, что «мирное мещанство» определяло «военную государственность».

На наш взгляд, ценным вкладом в философию права является осмысление Ландау феномена международного права, международных договоров как узаконивания права сильного над слабым, прав победителя над побеждённым – сферой, где со временем происходит столкновение застывшего положительного и живого естественного права. Философом даётся всесторонняя критическая оценка европейской концепции «вечного мира» и пацифизма (с. 38–47), принципа «самоопределения национальностей» (с. 74–106) и «империализма» (с. 106–114). При этом последний оправдывается автором книги с культурологической точки зрения.

Как можно предположить по самому названию работы, особый акцент делается автором на социологическом анализе состояния государств Западной Европы начала XX в., что, безусловно, наводит на сравнение Ландау со Шпенглером. Однако, в отличие от Шпенглера, Ландау можно назвать предтечей такого направления политической мысли, как геополитика. Осмысля последствия мировой войны для разных стран, мыслитель приходил к выводам, которые ныне являются достижением английских и американских учёных (в частности, единство англосаксонских стран, восприятие Германии как некоего сосредоточения жизненных сил Европы, взаимовыгодное сотрудничество Германии и России). Будучи идейным противником евразийства, Ландау настаивал на возможности творческого обновления культуры Европы: возможность, которую могла бы реализовать, зажатая тогда в тиски, Германия.

Но, озираясь на прошлое, можно констатировать, что творческий потенциал Германии вновь оказался зажат в тиски, да и к середине XX в. часть этого потенциала была израсходована на обернувшийся очередной мировой катастрофой реванш. Прогноз Г. Ландау касательно правового закабаления Европы международными обязательствами, инициативу создания которых брали бы на себя США, сбывлся. Вышеприведённые факты отнюдь не позволяют нам согласиться с выводом, сделанным в послесловии И.Ю. Зая, касательно необходимости тесного сотрудничества России с Европой (с. 347) на нынешнем витке истории. Слишком насыщенным, в плане военно-политических потрясений, оказался XX в.; Великая Отечественная война для России, по теории того же Ландау, не могла в культурологическом смысле

пройти бесследно. Как нам видится, если бы автору «Сумерек Европы» удалось дожить хотя бы до конца Второй мировой войны, его выводы могли бы оказаться далёкими от того, что он писал в начале XX в.

Александра Вакулинская

**Котельников В.А. Русский Агасфер:
Аким Вольтинский как мыслитель и критик культуры. –
СПб.: Владимир Даль, 2023. – 509 с.**

Новая книга доктора филологических наук, главного научного сотрудника ИРЛИ РАН, литературоведа Владимира Алексеевича Котельникова посвящена интеллектуальной биографии Акима Львовича Вольтинского (1861–1926), пламенного «борца за идеализм», «богофила», искусствоведа, критика культуры, «танцующего философа» (с. 237), теоретика театра и балета. В книге освещены основные вехи его жизни, показаны особенности личности, наложившие отпечаток на деятельность критика: пылкий темперамент нашёл отражение в огненно-героической этике, страсти к идеям вместе с тем были причиной тяжкого идейного деспотизма (с. 70) и преувеличенных оценок; характер аскета и отшельника predetermined отсутствие спутников и соратников, а также «независимость от партийной и кружковой догматики» (с. 38).

Котельников прослеживает истоки философского мировоззрения Вольтинского, подчёркивая особую значимость для него «Теолого-политического трактата» Б. Спинозы, представляющего собой «критическое исследование онтологической и гносеологической проблематики, заключённой в Писании» (с. 41) (его анализу посвящена первая крупная работа Вольтинского), и критического идеализма И. Канта, понимаемого Вольтинским как учение о двух мирах и ставшего основой его «беспощадной критики» иллюзий догматического мышления и теоретическим фундаментом для оценки «художественных наслаждений» (с. 40) и произведений искусства; также в исследовании упоминается влияние Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, К.Н. Леонтьева, Н.Ф. Фёдорова и др.

Вольтинский в интерпретации Котельникова предстаёт как человек Книги, воспринимая мир как Писание, как слово Бога, обращённое к человеку. Сферой его деятельности и его «жизненным миром» была область символов, ценностей и смыслов, т.е. мир религии, философии, литературы, танца и театра; свою задачу он видел в идейно последовательной «идеалистической критике культуры», т.е. исследовании современного искусства «в свете безусловных ценностей, нравственных и религиозных» (с. 57). Автор анализирует характер религиозности Вольтинского, тяготеющей к синтезу рациональной, взвешенной и ясной «огнедышащей семитской религиозности» (с. 94) и христианской этики, тем самым его «критический идеализм» приобретает иудео-христианскую окраску.

Вольтинский резко критиковал деятелей 60-х гг. за схематизм, нетерпимость и шаблонность, глухоту к откровениям высокого искусства, пренебрежение к философской проблематике, В.С. Соловьёва и его трактат «Оправдание добра» за защиту византийской идеи государства, оправдание войны и «фальсификацию настоящей религии и морали» (с. 71), творчество Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, А. Белого, В.И. Иванова за мистицизм, расчётливую тенденциозность и неорганичность и др., чем снискал славу непреклонного жандарма в русской литературе (с. 149).

Утверждением свободы личной духовной инициативы, обращением к теме оправдания культуры и проблеме телесности, а также призывами к творческому восхождению «на Сион и Голгофу» (с. 72) и требованием «новой религиозной и нравственной работы» (Там же) Вольтинский предвосхитил религиозно-философ-

ский ренессанс начала прошлого века. Книга «Русский Агасфер...» является фундаментальным исследованием, выполненным с использованием материалов, хранящихся в рукописном отделе ИРЛИ и РГАЛИ.

Ксения Ворожихина

Ильенков Э.В. Философская энциклопедия: собр. соч. Т. 6 /
Э.В. Ильенков. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2022. – 512 с.

Представленный том начинает цикл публикаций архивных и изданных посмертно материалов, рецензий и отзывов, интервью, диссертаций, избранной переписки Э.В. Ильенкова. Работа над собранием сочинений продолжается совместными усилиями академика РАН В.А. Лекторского, дочери Ильенкова, Е.Э. Иллеш и А.Д. Майданского. В шестой том вошли энциклопедические статьи (с 1956 по 1970-е гг.), публицистические работы (с 1960 по 1974 г.), выступления на круглых столах (с 1968 по 1975 г.), интервью (с 1968 по 1977 г.), предисловия (с 1956 по 1979 г.) и рецензии (с 1956 по 1979 г.). Работы внутри тома сгруппированы по тематике и жанрам, при этом внутри разделов приоритет отдан хронологической упорядоченности. В конце тома находятся комментарии и примечания, собранные Е.Э. Иллеш и А.Д. Майданским. Стоит отметить, что работы Э.В. Ильенкова очень часто подвергались смысловым редакторским правкам – для того, чтобы читатель смог получить наиболее полную версию текста, работы, опубликованные в рамках настоящей серии, сверяются с черновиками из домашнего архива философа.

Помимо уже опубликованных статей Э.В. Ильенкова в Философской энциклопедии, Большой советской энциклопедии и Философском словаре, в томе публикуются и невышедшие статьи философа. Так, читатель может ознакомиться с обширной статьёй «Логика» в двух частях (с. 164–203), вокруг которой развернулась серьёзная полемика между Э.В. Ильенковым и редакторами третьего тома Философской энциклопедии. Кроме того, в томе опубликованы письма философа в редакцию, которые существенно проясняют причины ухода Э.В. Ильенкова из редакторского состава третьего тома ФЭ.

В публицистической части тома читатель сможет ознакомиться с педагогическими («Многознание уму не научает», «Думать...»), полемическими («Адское пламя и огонь мысли», ««Несомненное и сомнительное в размышлениях Э. Майера»»), историко-философскими («Великий гуманист», «Гегель и современность», «Философский подвиг»), эстетическими («Могучий союзник в борьбе за коммунизм», «Противоречия мнимые и реальные») статьями Э.В. Ильенкова. В сборнике публикуются стенограммы выступлений философа на круглых столах, а также интервью, большая часть которых (3 из 4) посвящена педагогической проблематике. Два завершающих том раздела представляют собой публикацию предисловий и рецензий, написанных философом с 1956 по 1979 г.

В заключение стоит отметить как верность редакторского состава первоначальной установке, обозначенной ещё в первом томе Собрания сочинений – аутентичность текста философа ставится во главу угла, так и принципиальную научную значимость данной публикации, которая, безусловно, способствует развитию более академичного и полного обсуждения советской философии и фигуры Эвальда Васильевича Ильенкова.

**Софронов В. Положение мёртвых:
Ревизионистская история «русского космизма». –
М.: V-A-C Press, 2022. – 384 с.**

В 2022 г. в издательстве V-A-C при поддержке Центра экспериментальной музеологии вышла книга философа Владислава Софронова «Положение мёртвых: ревизионистская история “русского космизма”». В центре книги – изумление: что, если в далёком будущем свободное человечество по сугубо моральным причинам «задумается о необходимости буквального, телесного воскрешения прошлых поколений» (с. 9)? Из этого изумления и рождается основной мотив книги Владислава Софронова – необходимость ревизии «русского космизма» *сегодня* для того, чтобы попытаться представить имманентное воскрешение с точки зрения современного марксизма и материализма.

Помимо основного текста, состоящего из пяти глав, в качестве послесловия в книге публикуются «Эссе о континуальности» Владислава Софронова и «О понятии истории» Вальтера Беньямина. Таким образом раскрывается ещё один фундаментальный мотив – проблематика временности и историчности.

Беря на вооружение «Тезисы» Беньямина, Владислав Софронов предлагает читателю вместе с ним пройти этот путь изумления – погрузиться в историю русского космизма и вычленив оттуда самые авангардные, перспективные положения, чтобы использовать их здесь и сейчас, в размышлениях о будущем. Ревизия «русского космизма» опирается на два ключевых тезиса: «а) экспансия во времени, а не в пространстве является сущностью космизма; б) “невидимый” мейнстрим космизма образуют три фигуры – Фёдоров, Муравьёв, Ильенков» (с. 159).

Стоит отметить, что ряд положений, отстаиваемых автором в книге, могут вызывать изумление уже и у читателя: начиная с того, что сам «русский космизм» берётся Владиславом Софроновым в кавычки (так, оказывается, что в «русском космизме» нет ни жадности космической экспансии, ни специфического имперского взгляда на мир) и заканчивая обозначенной выше линией Фёдоров–Муравьёв–Ильенков. Но изумление – это именно то, что и должна вызывать подобная работа. Космизм сам по себе – это некоторого рода *theory-fiction*, и в книге Владислава Софронова повсеместно встречаются такие характеристики космистской мысли, как фантазия, утопия, изумление и даже испуг: «Я, признаться, испугался за свой распад и много месяцев не решался ни с кем обсуждать эту мысль» (с. 9).

Но все эти характеристики ни в коем случае не являются негативными. Более того, именно фантастичность положений и составляет ядро технооптимистического материализма – ведь иначе невозможно и помыслить будущее имманентное воскрешение. С такой точки зрения, «близость, доходящая до совпадения уже между Ильенковым и Муравьёвым» (с. 159) не кажется чем-то невозможным. В этом, пожалуй, и заключается одна из основных черт книги – идеи, первоначально кажущиеся фантастическими, по мере развития мысли автора органично встраиваются в общий мотив произведения, где мысль «русских космистов» переплетается как с современными физическими теориями, так и с философией Франкфуртской школы.

**Философия во множественном числе. Кн. 2 /
Сост. и отв. ред. А.В. Смирнов, Ю.В. Синеокая. –
М.: Академический проект, 2022. – 412 с.**

Все герои серии – уже ушедшие из жизни сотрудники Института философии РАН. Настоящий том, как и первый, включает в себя 11 «имён-концепций». Предложенная структура текста сама по себе выражает многообразие концептов отечественных

мыслителей: настоящий том включает в себя работы по онтологии, этике, антропологии, эволюционной психологии, эпистемологии, теории науки, философии истории. Читатели тома смогут ознакомиться с фундаментальными исследовательскими проектами: антропограммами В.А. Подороги; синергичной антропологией С.С. Хоружего; историографическим марксизмом В.М. Межуева; концепцией «своего» и «собственного» В.В. Бибахина; топологией события знания М.К. Мамардашвили; историографией З.А. Каменского; логикой морального мышления О.Г. Дробницкого; эволюционной психологией Н.Н. Ладыгиной-Котс; философской антропологией С.Л. Рубинштейна; экстернализмом Б.М. Гессена. Сам том традиционно состоит из вступительных статей от ведущих специалистов по теме и публикаций фрагментов из оригинальных сочинений рассматриваемых философов.

Из вступительных статей читатели смогут ознакомиться не только с основными направлениями в творчестве видных деятелей Института философии РАН, но и с занимательными аспектами биографии философов.

Хочется отметить работу авторского коллектива: каждая статья сборника отличается трепетным отношением к творческому наследию героев серии. Как следствие, в обзорных статьях сборника читатели смогут прочувствовать не только идейное наследование, но и тесную лично-историческую связь современных специалистов с героями настоящего тома: многие авторы вступительных статей были лично знакомы с рассматриваемыми в книге философами, поэтому читатели через текст смогут в некотором смысле погрузиться в исторический контекст интеллектуальной работы ведущих специалистов Института философии РАН. И пусть они уже окончили свой творческий путь, их имена и концепции уже стали, по удачному выражению редакции серии, «национальным достоянием», прочно закрепившись как в истории отечественной, так и мировой мысли.

Безусловно, книги из серии «Философия во множественном числе» будут полезны как исследователям современной отечественной мысли, так и самому широкому кругу читателей. Этот проект позволяет, с одной стороны, ознакомиться с деятельностью уже покинувших нас учёных Института философии РАН, с другой – проследить пути развития отечественной мысли, построить её своеобразную генеалогическую карту. Таким образом, «Философия во множественном числе» раскрывает и ключевые концепты героев тома, и их историческую преемственность, и направления дальнейшего развития концепций рассматриваемых философов. Не может не радовать и то, что уже планируется выход следующих книг серии – это ещё раз подчёркивает творческое многообразие современной отечественной философии.

Алексей Куксюк

Достоевский во Франции: защита и прославление русского гения. 1942–2021 /

С.Л. Фокин, О.Е. Волчек, Л.А. Димитриева, А.Н. Тагано, В. Фейбуа;
под ред. С.Л. Фокина. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 432 с.

Коллективная монография «Достоевский во Франции» представляет собой трёхчастное исследование, с нетривиальной задумкой и исполнением: «Квазибиографические этюды», «Компаративные эскизы» и «Тематические вариации» действительно похожи на «рискованный интеллектуальный эксперимент», как заявляет во введении ответственный редактор. В названии видим две веховые даты: в 1942 г. П.Н. Евдокимов защитил во Франции докторскую диссертацию «Достоевский и проблема зла», а в 2021 г. М. Никё опубликовал словарь-путеводитель «Достоевский», суммирующий французское достоеведение XIX–XX вв.; пласт исследований между этими датами многообразно описан в книге.

Первая часть привычна по форме, она содержит семь биографических очерков исследователей Достоевского, начиная с того самого Петра Николаевича Евдокимова, автора первой научной работы о Достоевском во Франции, продолжается рассказом о судьбе и трудах выдающейся французской исследовательницы Доминик Арбан (тем не менее рассмотрены и слабые места её исследований вроде упрочения «мифа отцеубийства»), этюдами об известном знатоке России Пьере Паскале, его штудиях и методах перевода Достоевского, о философских, психологических и литературоведческих концепциях Рене Жирара. Автор книги «Литературное творчество Достоевского» Жак Катто, исследователь «Записок из подполья» Цветан Тодоров и яркая представительница French Theory Юлия Кристева продолжают галерею наиболее значимых французских исследователей Достоевского.

Вторая часть книги, хотя и называется «Компаративными эскизами», содержит элементы инверсивного литературоведения – т.е. показывает, например, «не только сторону Достоевского в Прусте, но и сторону Пруста в Достоевском». Кроме М. Пруста, героями этой части стали А. Мальро, Н. Саррот, Ф. Кафка; другие «герои» – книги, и о них тоже идёт речь: «Русский роман» Э.-М. де Вогюэ, «Достоевский из века в век, или Россия между Востоком и Западом» Мишеля Кадо, «Запад, увиденный из России: антология русской мысли от Карамзина до Путина» Мишеля Никё, «Загадка *Толстоевский*» Пьера Байара, «Подполье: Витгенштейн. Бахтин. Достоевский» Лейлы Раид и другие.

В третьей части авторы идут на большее интеллектуальное обострение и предлагают ряд вариаций на «темы Достоевского» – «Безумие», «Двойник», «Деньги», «Игра», «Идиот», «Нигилизм», «Подполье», на которые набрасывается французская «семантическая сетка», которым сообщается иная семантическая «аура». В этой части под разными углами рассматриваются французские рецепции Достоевского, обсуждается психоанализ текста (и вообще литературоведческие возможности психоанализа), параллель Рембрандт–Достоевский, а также то, что Андре Бретон напрасно не включил Достоевского в «Антологию чёрного юмора».

Итак, книга «Достоевский во Франции» весьма разнообразна и даже пестра темами и ключевыми именами французского достоевведения; она убедительно показывает, что интеллектуальная Франция очень восприимчива к творчеству Фёдора Михайловича и вполне можно говорить о «французском Достоевском» как устойчивой «интеллектуальной конструкции». Авторы монографии обращают особое внимание на такие характерные для французской науки явления, как «перепереводы» (пересмотры даже классических переводов, тяга к обновлению переводов) и научно-популярные монографии. Коллектив авторов (С.Л. Фокин, О.Е. Волчек, Л.А. Дмитриева, А.Н. Таганов, В. Фейбуа) намерен продолжать изыскания – в частности, планирует составить биографический словарь переводчиков Достоевского на французский язык.

Лев Толстой: философская перспектива /

Сост., отв. ред. Н.А. Касавина, Ю.В. Прокопчук. –

М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 308 с. (Серия «Humanitas»)

Коллективная монография «Лев Толстой: философская перспектива» составлена по итогам работы семинара Государственного музея Л.Н. Толстого и Института философии РАН; она стала второй в формирующейся серии (первая книга «Лев Толстой: литература и философия» вышла в 2020 г.).

В *Разделе 1* «Лев Толстой и мировая философская мысль» рассмотрены реакции философов на творчество Толстого – К.В. Воронжикова пишет об отзывах (прежде всего, критических) Льва Шестова на образ Льва Толстого (Толстой оказывается

для Шестова «подпольным» человеком); *О.А. Жукова* суммирует высказывания Николая Бердяева о писателе и мыслителе Толстом, о его религиозном учении и пагубном влиянии на русское самосознание; в небольшой статье *Г.В. Алексеевой* описан интересный сюжет влияния системы самосовершенствования Бенджамина Франклина («тринадцать добродетелей») на молодого Толстого. *Н.А. Касавина* рассматривает смерть Ивана Ильича (героя одноимённой повести Толстого) в контексте идей Хайдеггера, Ясперса и Мамардашвили; о житнетворческих уроках Толстого пишет *Д.А. Леонтьев*, подробно представляя трактат «О жизни», антологию «Пути жизни» и «Философский дневник» Толстого. Влияние И. Канта на понимание Толстым веры, религии и нравственности, сходства и различия двух мыслителей рассмотрены в материале *С.А. Нижникова*. Так или иначе почти в каждой статье возникает фигура Достоевского – и в заключительном тексте Раздела 1 проводится анализ философско-художественных позиций Достоевского, Толстого и Руссо (*С.В. Панов*, *С.Н. Ивашкин*).

Раздел 2 «Религиозно-нравственные поиски» состоит из четырёх исследований: в статье «Трудность милосердия...» *Р.Г. Апресян** раскрывает толстовское понимание «дел милосердия», обусловленное неудачным опытом благотворительности (точнее, попытками «морального абсолютиста» Толстого помочь нуждающимся Ржановской крепости) и осмыслением телесных и духовных дел милосердия (см. работы «Так что же нам делать?», «О переписи в Москве»); *И.И. Евлампиев* рассматривает причины перелома в мировоззрении Толстого в конце 1870-х гг., связанного с переосмыслением проблем свободы, человека, общества и истории в их взаимовлиянии. Имперсоналистическое учение писателя реконструировано в статье *М.Л. Гельфонда* «Антропология Л.Н. Толстого: манифест отречения от личности». *Ю.В. Прокопчук* сопоставляет религиозность Льва Толстого и Альберта Швейцера, лютеранского теолога с «толстовским типом мышления», которого автор статьи называет «продолжателем дела Толстого в XX веке».

Раздел 3 посвящён художественному творчеству Льва Толстого, помещённому в оптику философского исследования. *Л.А. Булавка-Бузгалина* рассмотрела сюжетные и персонализированные линии трагедии Анны Карениной, их переплетение и столкновение «в контрапунктном выражении». В статье «Царство Божье на земле и путь к нему...» *И.Ю. Матвеева* обращает внимание на поздние художественные произведения Толстого, его новаторский метод и философскую концепцию памяти, схожую с концепцией Бергсона. Философствование по поводу героизма и судьбы у Толстого и Лермонтова, а также мотив детскости в их творчестве исследует *А.К. Куликов*; попытку реконструкции толстовского замысла «Романа о русских богатырях» предпринимает *Ю.В. Прокопчук*. Историсофские искания и предположения Толстого изложены в статье *И.Н. Сиземской* «Л.Н. Толстой об исторической необходимости и воле масс в истории», завершающей этот сборник.

Предполагаем, что серия коллективных монографий о философском измерении творчества Льва Толстого продолжится, как и работа научного семинара Государственного музея Л.Н. Толстого и Института философии РАН; работа на базе ИМЛИ РАН над 100-томным Полным собранием сочинений Толстого только расширяет возможности и перспективы развития отечественного философского толкования.

* По решению Минюста России включён в реестр физлиц, исполняющих функции иностранного агента.

Отрицательное богословие и познание Бога у Майстера Экхарта. –

М.: Издательский дом «Познание», 2022. – 800 с.

Важное событие для отечественной истории философии – публикация в 2022 г. обширного исследования В.Н. Лосского «Отрицательное богословие и познание Бога у Майстера Экхарта» в переводе Г.В. Вдовиной. Сочинение Лосского, посвящённое онтологии и богословию рейнского мистика, было задумано как докторская диссертация – которая, впрочем, так и не была завершена; в 1960 г. фундаментальный труд Лосского был опубликован посмертно на французском языке. Переводы глав книги на русский язык выходили несколько лет в «Богословских трудах» – и вот в минувшем году «Отрицательное богословие...» было впервые опубликовано на русском языке в полном виде.

Исследование предварено несколькими краткими статьями: от издателей русского и французского переводов, текстом С.С. Хоружего, где он даёт краткий очерк жизни и творчества В.Н. Лосского, неоднократно отмечая «православные ориентиры» мысли автора. Ценно открывающее корпус предисловие выдающегося французского философа-медиевиста Этьена Жильсона, научного руководителя Лосского, которые так описывает мотив исследования своего выдающегося коллеги: «Владимир Лосский хотел пролить свет на отказ Экхарта от любых попыток замкнуть божество в некоем понятии, якобы достаточном для его определения» (с. 24).

«Окончательное неведение» (но оно же – и «подлинное знание», как парадоксально отмечает Жильсон) вполне проявлено в тексте диссертации. В *Главе 1* “Nomen Innominabile” («Имя неименуемое») Лосский пишет о поиске Неизречённого, отмечая разницу апофаз Плотина, Псевдо-Дионисия, Фомы Аквинского и Августина – и апофатического порыва Экхарта; особое внимание уделяется влиянию на Экхарта трактата «О Божественных именах» и комментария к нему Фомы Аквинского. Лосский последовательно и детально разбирает (и опровергает) представление об Экхарте как о томисте. В *Главе 2* “Nomen Omnominabile” («Имя всеименуемое») Лосский пишет о необходимом сосуществовании «безымянности» и «многоимённости» Бога: в первом случае мы рассматриваем Бога в Нём Самом, во втором – в Его действиях *ad extra*, в являющих Его внутренних исхождениях. Автор пишет об онтологической двойственности, связанной с понятием тварной реальности, о единстве Слова, где «вечные логосы тварей совпадают с единым Логосом», о *ens commune* (общем сущем) как высшей степени единства. *Глава 3* “Ego Sum qui Sum” («Я есмь Сущий») названием цитирует Исход 3:14 и посвящена экхартовской трактовке этого стиха: Лосский отмечает, что Божья инициатива самоименования обязывает Экхарта всё же попытаться проникнуть в тайну Имени. В этой части исследования разбираются ссылки Экхарта на Авиценну и Маймонида, рассматриваются фундаментальные проблемы причинности, сущего, сущности и бытия (*essential et esse*), мышления и бытия (*intelligere et esse*).

В *Главе 4* “Regio Dissimilitudinis Infinitae” («Область бесконечного неподобия») Лосский рассматривает то «расстояние, которое отделяет “неименуемого” в Своей безмерности Бога от Его “внешних дел”», сущность благодати и славы, «внешнего» и «внутреннего» человека, «нетварность» умного постижения, а также пути восхождения ума к Богу – обширно цитируя Экхарта. В *Главе 5* “Splendor in Medio” («Сияние в среде») автор пишет о единстве как конечной, но недостижимой трансцендентной цели уподобления Богу, об экхартовской диалектике бытия-единого и о разнообразных аспектах отношения между Богом и творением. *Глава 6* “Imago in Speculo” («Образ в зеркале») продолжает рассмотрение «аналогии атрибуции» в мысли Экхарта; кроме того, Лосский разбирает проблемы формальной причинности и божественной экземплярной причинности, богословие Образа.

Жильсон отметил в предисловии «глубинное родство» Владимира Лосского и Майстера Экхарта, «духовную симпатию» русского философа к средневековому мистик; и действительно, в содержательно плотном рассмотрении идей Экхарта несколько раз проявляется искреннее стремление Лосского снять с доминиканца подозрения то в монофизитстве, то в пантеизме – впрочем, это лишь эпизоды, свидетельствующие о личном неравнодушии Лосского, фундированном его исключительной историко-философской квалификацией. Книга содержит множество обширных и частных сюжетов, которые углубляют и расширяют центральное понятие богословия Экхарта – неизречённость Бога. Богословие Экхарта полифонично, и Лосский сохраняет это многоголосие «собеседников» рейнского мистика, что придаёт тексту дополнительную динамичность. Блестящий результат труда Галины Владимировны Вдовиной – профессиональный перевод французского текста – позволяет русскому читателю познакомиться с одним из главных исследований о Майстере Экхарте.

Анна Макарова

Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности /
Предисл. и послесл. П. Арсеньева. – М.: V-A-C Press, 2022. – 276 с.

Магистерская диссертация Н.Г. Чернышевского, имевшая нелёгкую цензурную историю в Российской империи и выдержавшая множество – как отдельных, так и в составе собрания сочинений – переизданий в советские времена, не переиздавалась в новейшей истории России, в отличие от куда более популярного у издателей и читателей знаменитого романа того же автора. Тем любопытнее попытка исправить данную ситуацию – попытка примечательная не только яркими полиграфическими решениями, но и актуализацией эстетической программы Чернышевского и его же практики её реализации, чему посвящены обширные предисловие и послесловие, занявшие около четверти объёма издания.

Автор предисловия и послесловия предлагает отойти от принятой интерпретации отечественной литературно-политической критики XIX в. с её метафорикой пробуждения и попытаться осмыслить её в контексте развития институционально-технической инфраструктуры (с. 5): радикальная демократическая критика оказывается эффектом резко возросших мощностей печатного производства и формирования относительно открытого интеллектуального рынка – именно технологический и экономический фактор делают возможным сам феномен Чернышевского (с. 12). Это в том числе заставляет, с точки зрения автора, читать сегодня диссертацию Чернышевского не на уровне содержания высказывания, но на уровне самого акта высказывания (с. 24).

В издание включена и авторецензия Чернышевского на свою диссертацию, историю которой автор предисловия предлагает рассматривать как своеобразное предвосхищение постструктуралистской деконструкции литературного произведения в духе Ролана Барта (с. 25). Диссертация Чернышевского вписывается не только в контекст конфликта романтической, идеалистической и реалистической эстетических программ: П. Арсеньев находит у своего героя параллели с британским эмпиризмом, находками логического позитивизма и аналитической философии, а чувствительность Чернышевского к медиа-техническому измерению репрезентации заставляет вспомнить размышления Вальтера Беньямина. «Эстетические отношения», таким образом, согласно издателю, оказываются предвосхищением «многих поворотных событий в изучении искусства, в основании научной, материалистической или (психо)физиологической эстетики, у которой вскоре появятся свои, более признанные в литературе и философии протагонисты» (с. 36).

В послесловии, в свою очередь, «Эстетические отношения» сопоставляются со «Что делать?», что приводит автора к фиксации определённого разрыва между теорией и практикой сопротивления Чернышевского концепции «чистого искусства»: «Язык действия, которому Чернышевский отдаёт дань в названии романа, и язык фактов, который он отстаивает с своей эстетике, фокусируются на одном и том же объекте, но смотрят на него как бы из различных перспектив» (с. 268). И это вновь заставляет поставить вопрос о чрезвычайной актуальности его наследия: в интерпретации П. Арсеньева Чернышевский оказывается ярким представителем «литературного позитивизма», конститутивной чертой которого П. Арсеньев определяет стремление к совмещению документальной фактологичности и политического действия.

Не все линии актуализации Чернышевского, намеченные автором, кажутся доказательными и бесспорными, что, впрочем, не касается самого приглашения к современному разговору о его наследии вообще и эстетике, в частности.

Якобсон Р., Леви-Стросс К. Переписка, 1942–1982 /
Предисл., подгот. к изд. и примеч. Э. Луайе, П. Манилье;
пер. с фр. О. Волчек под науч. ред. С. Фокина. –
М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 424 с.

Будучи одним из самых влиятельных интеллектуальных течений XX в., структурализм кристаллизовался в междисциплинарном гуманитарном пространстве послевоенной Европы и Америки. И немаловажную роль в этой кристаллизации сыграло интенсивное личное общение и тесное творческое сотрудничество французского этнолога и философа Клода-Леви Стросса и русско-американского лингвиста и литературоведа Романа Осиповича Якобсона. Фундаментальное значение этой творческой встречи для судеб структурализма можно было бы считать риторическим преувеличением, если бы не свидетельство самого Леви-Стросса, указывавшего, что именно общение с Якобсоном во многом открыло ему глаза на сущность и значение метода, к которому он до этого только интуитивно приближался, пытаясь свести воедино многообразный этнографический материал (с. 390–391). В письме от 6 марта 1948 года Леви-Стросс анонсирует Якобсону выход своей статьи о соотношении шаманизма и психоанализа (статья войдёт позднее – в качестве 10-й главы – в «Структурную антропологию»), указывая другу, что тот найдёт там «немало тем наших старых бесед» (с. 92). И это лишь несколько примеров: публикуемая переписка убедительно свидетельствует о плодотворном творческом союзе корреспондентов, указывая вместе с тем и на существование достаточно тесного круга интеллектуалов, связанных многочисленными личными, творческими и академическими отношениями, – круга, двое из четырёх членов которого были выходцами из Российской империи – Роман Якобсон, Клод-Леви Стросс, Александр Койре и Жак Лакан.

Издание открывается большим предисловием Эммануэля Луайе и Патриса Манилье, стремящихся – по их собственному признанию, с педагогическими целями (с. 32) – дать развёрнутое представление о становлении структурализма, вкладе в него Леви-Стросса и Якобсона, общих принципах, составляющих кредо данной научно-исследовательской программы.

Переписка свидетельствует о близких товарищеских отношениях корреспондентов, тепло общающихся, внимательно и искренне следящих за исследовательскими и карьерными траекториями друг друга; ярко отражает чрезвычайную интенсивность их интеллектуальных поисков. Леви-Стросс активно пользуется компетенцией и эрудицией Якобсона. Любопытно обсуждение ими терминологии первобытного славянского родства: на интригующее указание последнего о двойном значении термина «пращур» в древнеславянских текстах – термин, означающий как «прадеда», так

и «правнука», – в ответном письме Леви-Стросс набрасывает контуры возможных интерпретаций этого феномена (с. 85–91, 94–99). Открыв благодаря другу для себя фонологию Н.С. Трубецкого и штудии В.Я. Проппа, Леви-Стросс формулирует не только ценное значение и уязвимости их концепций, но и те шаги вперёд, которые, по его мнению, сумел сделать Якобсон по сравнению со своими соотечественниками (с. 160–161, 201). Следует отметить, что каждое письмо сопровождается комментарием, позволяющим читателю сориентироваться как в перипетиях личных судеб героев книги, так и в насыщено научно-гуманитарном контексте европейской культуры второй половины XX в.

Третья часть издания представляет собой публикацию ряда текстов героев книги, в том числе знаменитых «Кошек» Шарля Бодлера» – совместного анализа Якобсоном и Леви-Строссом стихотворения французского поэта, вызвавшего в своё время довольно интенсивную дискуссию о методе в литературоведении (с. 315–344). По указанию составителей выбор этих восьми текстов-приложений отвечает простым требованиям: они написаны кем-то из героев книги, непосредственно касаются их сотрудничества и представляют собой библиографическую редкость (с. 55).

Владимир Сидорин